

Старейшина и стражи Зала дисциплины в первые мгновения были всерьез напуганы внезапным появлением Цзян ХаньЯ. Однако вскоре они осознали, что от него не исходит никакой подавляющей или мощной ауры, способной заставить их трепетать. Успех его недавнего стремительного удара мечом, по их мнению, вероятно, объяснялся лишь эффектом неожиданности и тем, что их застали врасплох.

Впрочем, они не были настолько глупы, чтобы полагать, будто у Цзян ХаньЯ совсем нет культивации. Просто они пришли к выводу, что его уровень развития не так уж высок. Раз уж он явился сюда, чтобы забрать Инь Цичи, значит, они, скорее всего, старые знакомые, и, возможно, его уровень действительно несколько выше, чем у Инь Цичи. Но даже если это и так, то разница в силе не может быть слишком значительной.

В самом лучшем случае он мог достичь стадии золотого ядра. Но даже если этот юнец обладает выдающимся талантом, в Зале дисциплины полно опытных людей, среди которых есть несколько сильных практиков стадии золотого ядра. Окружить и уничтожить единственного врага для них не составит никакого труда!

Поняв это, старейшина Зала дисциплины окончательно успокоился. В то же время в его сердце вспыхнул праведный гнев:

- Паршивец, не знающий правил! Ты всего лишь на стадии золотого ядра, а уже смеешь пороть чушь и вмешиваться в дела семьи Инь! - старейшина Зала дисциплины говорил с огромным апломбом. - Сегодня я проучу тебя за всех твоих старших, чтобы ты наконец понял, что такое небо высокое, а земля глубокая!

- Ко мне!

Старейшина Зала дисциплины был человеком проницательным. Глядя на внешность, манеры и уверенное поведение Цзян ХаньЯ, а также на то, что тот осмелился явиться прямо к ним, ничуть не робея и не выказывая страха, он предположил, что перед ним отпрыск какой-то крупной и могущественной силы.

Поэтому он лишь коротко приказал:

- Выбейте его отсюда!

Этот человек первым пришел и начал открытую провокацию, а семья Инь в данной ситуации лишь выпроваживает незваного гостя. Даже если сила, стоящая за спиной этого парня, окажется могущественнее семьи Инь, им всё равно не к чему будет придраться.

Тем временем...

Старейшина Зала дисциплины быстро взглянул на госпожу Инь и едва заметно кивнул ей, призывая её не волноваться и сохранять спокойствие. Он был абсолютно уверен в том, что сегодняшняя беда Инь Цичи неизбежна и неотвратима. Он обязательно заставит его заплатить кровью за всё, что сделал второй молодой господин.

Более того, старейшина знал: иногда дать человеку увидеть призрачную надежду, а затем вновь с силой погрузить его в беспросветное отчаяние – куда мучительнее, чем изначально находиться в абсолютно безвыходном положении.

По его приказу практики стадии золотого ядра, охранявшие глубины Зала дисциплины, быстро появились из теней и вступили в бой с незванным гостем.

Цзян ХаньЯ небрежным жестом извлек защитный артефакт. Помня о существовании системы межмировой торговли, он просто бросил его рядом с Инь Цичи. Он сделал это лишь для того, чтобы система снова не попыталась навязать ему очередную принудительную сделку.

Практики стадии золотого ядра стремительно бросились в атаку, а Цзян ХаньЯ, совершенно не спеша, достал нефритовую бутылочку и проглотил пилюлю восполнения ци. Потраченная за это короткое время духовная энергия мгновенно восстановилась, наполнив его тело новой силой.

В тот же миг атака практиков стадии золотого ядра уже обрушилась на него, и они были в одном шаге от того, чтобы нанести сокрушительный удар. Однако в одно мгновение раздался звонкий, резкий металлический лязг: Цзян ХаньЯ, уверенно держа меч в одной руке, одним движением заблокировал длинные мечи своих противников.

Но их было больше, чем один.

Цзян ХаньЯ резко выставил ладонь вперед, и мощная, концентрированная волна ци с силой отразила атаки оставшихся двух практиков стадии золотого ядра.

Все трое были глубоко поражены. Сначала они не принимали Цзян ХаньЯ всерьез. Они почти не ощущали его ауры и не чувствовали того специфического напряжения, которое неизбежно возникает при встрече с равным по силе противником. Всё казалось обычным, в нем не было ничего особенного.

Вероятно, он был просто рядовым практиком стадии золотого ядра, и втроем они должны были с легкостью с ним расправиться. Кто бы мог подумать, что он отразит все их атаки, причем, судя по его невозмутимому виду, даже не приложив к этому особых усилий.

Они тут же стали серьезнее, осознав, что недооценили врага.

Битва между практиками была весьма шумной и разрушительной, и, чтобы не превратить Зал дисциплины в руины, троица выманила Цзян ХаньЯ на открытую площадку за дверями. Цзян ХаньЯ прекрасно понял их замысел, но решил последовать их воле. В помещении было слишком тесно, и ему было просто негде развернуться для полноценного боя.

Сила этих практиков стадии золотого ядра по отдельности была невелика – они оказались даже слабее того трехзвездного магического зверя, с которым ему доводилось сталкиваться ранее. Даже если они нападут втроем, они всё равно не станут достойными противниками для Цзян ХаньЯ.

Причина, по которой он не закончил этот бой за одну минуту, заключалась в том, что представилась редкая и интересная возможность посмотреть, какими особыми приемами или техниками владеют практики этого мира.

Ранее в секте Южной Горы на площади тренировались в основном ученики стадии конденсации ци или стадии возведения основания. Хотя поначалу это было в новинку, их уровень был слишком низок, чтобы представлять интерес. И теперь, когда выпал шанс сразиться с тремя практиками стадии золотого ядра, Цзян ХаньЯ не собирался упускать эту возможность!

Он должен был выжать из них всё до последней капли, загнать их в угол, чтобы они, в отчаянии, использовали все свои самые сокровенные козыри.

Поэтому Цзян ХаньЯ намеренно сдерживался, стараясь выглядеть лишь немногим сильнее этой троицы. Он создавал иллюзию равенства, давая им ложную надежду на то, что, если они

постараются и приложат все свои силы, то смогут победить.

Стратегия сработала идеально.

Три практика стадии золотого ядра осознали, что Цзян ХаньЯ – крепкий орешек, но не настолько непреодолимый, чтобы они не могли его одолеть. Почувствовав шанс на успех, они пустили в ход всё свое мастерство.

Один из них обрушил на противника серию изменчивых и стремительных приемов меча, которые по своей плавности и сокрушительной мощи напоминали бушующий, неудержимый поток воды. Второй практик применил свирепую технику ладоней; каждый его выпад был настолько резким и мощным, что в воздухе раздавался отчетливый, пугающий свист рассекаемого пространства. Третий же обладал поистине невероятной скоростью перемещения, и в моменты наивысшего напряжения боя за ним тянулись едва уловимые остаточные образы, сбивающие с толку любого наблюдателя.

В ходе этой ожесточенной схватки с Цзян ХаньЯ они один за другим выкладывали свои лучшие козыри. Хотя им было до глубины души стыдно, что приходится выкладываться на полную ради такого юнца, еще позорнее было то, что даже втроем они никак не могли его одолеть.

Поэтому их тела действовали честно: как только подворачивался подходящий случай, они без колебаний использовали свои главные, самые мощные приемы.

Когда троица, объединив усилия, нанесла свой самый сокрушительный удар, Цзян ХаньЯ принял его на себя и с силой отлетел на приличное расстояние.

Практики стадии золотого ядра, затаив дыхание, решили, что им наконец-то удалось одолеть этого дерзкого юнца.

В душе они облегченно вздохнули, полагая, что победа уже у них в кармане. Один из них, громко выкрикнув, чтобы его голос разнесся по всей округе, произнес:

– Ты дерзко вторгся в нашу семью Инь, но ты еще слишком молод, и мы, видя твой талант, не желаем лишать тебя жизни. Будь благоразумен, мальчишка, и уходи отсюда поскорее, пока мы добры!

Цзян ХаньЯ полностью проигнорировал их слова, даже не удостоив их взглядом. Убедившись, что они показали всё, на что способны, и выложили все свои козыри, он решил, что больше не хочет тратить на них ни единой секунды своего драгоценного времени.

Цзян ХаньЯ крепко сжал меч в правой руке и, не совершая никаких лишних, вычурных движений, просто нанес один мощный рубящий удар сверху вниз. Острая, как бритва, аура меча, подобно колоссальной горе Тайшань, с сокрушительной силой обрушилась на противников.

Всего один удар - и трое практиков стадии золотого ядра были мгновенно повержены.

- Ты!..

Трое бойцов, словно подбитые птицы, рухнули с неба на землю, извергая изо рта сгустки крови. Они с нескрываемым недоверием и ужасом смотрели на медленно приближающегося к ним Цзян ХаньЯ, задыхаясь от кашля и тщетно пытаясь что-то вымолвить.

Но Цзян ХаньЯ совершенно не интересовали их слова и оправдания. Чтобы они больше не мешались под ногами и не создавали лишнего шума, он короткими, точными ударами рукояти меча вырубил каждого из них.

Когда он снова переступил порог Зала дисциплины, люди внутри выглядели совершенно растерянными и глубоко напуганными.

В тот самый момент, когда три практика стадии золотого ядра были повержены и рухнули на землю, госпожа Инь, воспользовавшись суматохой, тихо подошла к Инь Цичи. Она намеревалась покончить с ним прямо здесь и сейчас, пока Цзян ХаньЯ не вернулся в помещение. В ее прекрасных глазах в этот миг не осталось ничего, кроме жгучей, концентрированной ненависти.

Как этому никчемному ублюдку могло так повезти?

Она всем сердцем хотела, чтобы Инь Цичи забили до смерти, и специально отдала приказ, чтобы он испустил дух только после того, как по нему нанесут сотню ударов палкой. Но теперь

времени на издевательства не осталось. Она ни за что, ни при каких обстоятельствах не позволит этому выродку спастись!

Однако Цзян ХаньЯ перед своим уходом предусмотрительно бросил рядом с Инь Цичи защитный артефакт. Поэтому, как бы сильно она ни ненавидела его, она не смогла воспользоваться моментом и лишить его жизни – невидимый барьер надежно оберегал юношу.

Теперь, когда никто больше не прижимал Инь Цичи к полу, он, даже не пытаясь встать, с абсолютным комфортом лежал на помосте для наказаний. Увидев, что госпожа Инь подошла к нему вплотную, он изогнул губы в ехидной улыбке:

– Я ведь писал ему, чтобы он не приходил, но он так сильно волновался за меня, что всё равно решил заглянуть. Эх, ничего не поделаешь, он слишком уж сильно обо мне беспокоится.

Он сделал небольшую паузу и добавил с наигранным удивлением:

– Ой, а я-то всерьез думал, что сегодня мне не избежать беды, но, похоже, мне всё-таки чертовски везет.

Услышав эти слова, а затем взглянув на его самоуверенный, наглый и вызывающий вид, госпожа Инь едва не лишилась рассудка от ярости. Ее красивое лицо исказилось до неузнаваемости, превратившись в маску гнева. Она и сама находилась на стадии золотого ядра, и хотя достигла этого уровня с помощью пилюль, а не путем изнурительных тренировок, базовыми способностями практика она обладала.

Как раз в тот момент, когда она собралась приложить все свои усилия, чтобы разбить защитный артефакт и окончательно покончить с Инь Цичи, Цзян ХаньЯ снова переступил порог.

Инь Цичи мгновенно изменился в лице: его выражение сменилось с беззаботного и насмешливого на испуганное и отчаянное. Госпожа Инь застыла на месте, ее поднятая рука словно окаменела; она не могла пошевелиться, парализованная внезапным появлением спасителя.

Инь Цичи тут же посмотрел на Цзян ХаньЯ с выражением полного, почти фанатичного обожания и легкого восхищения.

Цзян ХаньЯ: – ...

Он смущенно повел плечом и отвернулся, стараясь не смотреть на него. Быстро разобравшись с остальными присутствующими в Зале дисциплины, он медленно подошел к старейшине, который ранее с таким апломбом заявлял, что проучит его за старших. Хотя его и называли старейшиной, выглядел он как мужчина средних лет и совсем не казался старым.

- Ты ранее говорил, что хочешь проучить меня за моих старших?

Цзян ХаньЯ резким движением схватил его за горло и приподнял над землей, медленно и отчетливо произнося:

- Больше всего на свете я не люблю, когда кто-то оскорбляет моих старших.

Старейшину Зала дисциплины душили так сильно, что он начал терять сознание. Его лицо побагровело, он отчаянно пытался сопротивляться, размахивая руками. Однако рука Цзян ХаньЯ, сжимавшая его горло, оставалась непоколебимой, словно железные тиски.

- Больше так не делай, понял?

Старейшина Зала дисциплины не мог вымолвить ни слова, лишь отчаянно и часто кивал. Цзян ХаньЯ остался доволен, разжал руку и с силой бросил его на пол. Затем, не теряя времени, рукоятку меча он вырубил и его.

Сделав всё это, Цзян ХаньЯ рассчитывал, что его жесткие методы заставят Инь Цичи насторожиться, а в идеале – пробудят в нем истинный боевой дух. Причина, по которой он так грубо схватил старейшину за горло, заключалась не только в личном недовольстве его словами, но и в осознанном желании запугать Инь Цичи.

Убить курицу, чтобы напугать обезьяну.

Однако, обернувшись, он увидел, что Инь Цичи не только не испугался, но и выражение его лица было... э-э... весьма неоднозначным.

Цзян ХаньЯ: - ...

«Глядя на жалкое состояние этих людей, неужели ты не можешь представить, что с тобой будет, если я применю к тебе те же методы?» – подумал он.

Инь Цичи, конечно же, притворялся. На самом деле ему очень хотелось расхохотаться в голос. А всё потому, что в тот момент, когда Цзян ХаньЯ схватил старейшину за горло и поднял его вверх, ему из-за нехватки роста пришлось незаметно взобраться на две ступеньки, чтобы дотянуться.

Инь Цичи чуть не рассмеялся прямо там, на помосте. Но, обладая на удивление хорошим самоконтролем, он сдержался.

Увидев, что Цзян ХаньЯ наконец идет к нему, он с выражением искреннего, почти религиозного обожания, словно глядя на своего единственного спасителя, благоговейно произнес:

- Спасибо... спасибо тебе огромное за спасение.

Для пушкого эффекта он даже слабо кашлянул, выплюнув немного крови на помост.

Цзян ХаньЯ: - ...

Цзян ХаньЯ: - ...

Он внезапно почувствовал себя крайне не в своей тарелке...

<http://bllate.org/book/17943/1720827>